ДВА ОРИГИНАЛЬНЫЯ ПИСЬМА.

1.
Образцовое письмо старшаго писаря Семиградскаго пѣхотнаго полка, Овчинникова.

Письмо, пущенное вами отъ 21 числа сего мѣсяца, я имѣлъ счастіе получить оное; усерднѣйше благодаримъ за непреданіе насъ забвенію, а Софроновъ, признаться, посылаетъ вамъ поклонъ свой навѣки нерушимый и приноситъ тебѣ благодарность за приписку къ нему.

А о себѣ скажемъ вамъ, что намедни повѣренный принесъ откупщику, у котораго на фатерѣ стояніе имѣемъ, рапортицію по винной части, а откупщикъ и сталъ жаловаться, что барышни нынѣ необстоятельные: прежде-де торги производились торжественно, а нынѣ художественно, все на бумагѣ да подъ печатью; а у меня объ эту пору собрались

ребята, полковые пріятели дорогіе, однокашники, кой о чемъ помолчать да посидѣть, и вышелъ я съ ними было на крыльцо, гдѣ въ сараѣ дѣвки, а въ томъ числѣ, признаться, и Палашка, на каткѣ бѣлье катали, а фалеторы тѣмъ промежуткомъ давали балы на балалайкѣ; и разсудите сами, что у насъ у дѣловыхъ людей, голову разломило отъ этихъ чортовыхъ гуслей, сирѣчь отъ счетовъ, на коихъ кладешь рубли и чети и копейки съ утра до вечера - и стало это намъ неприлично таковая бесѣда, и чтобы ее угомонить и въ чувствіе привесть вразсужденіи оной, товарищъ, признаться, и сказалъ ей: больно тонко прохаживаться изволите, сударыня, чулки отморозите (а она шла босикомъ); а тутъ и ввяжись фря подмотанная, домашняя мамзель, исправляющая должность мадамы, и давай козырять по насъ, въ неуваженіи амбиціи военной и казеннаго мундира; а самъ откупщикъ, вышедъ, сталъ объясняться съ азартомъ на разныхъ діалектахъ; вслѣдствіе чего я и сказалъ товарищу: охота тебѣ,

братецъ, вдаваться въ такое отчаянное сложенiе безъ реваншу, на счетъ Палашки; онъ и помирился съ нимъ за полштофчика подъ печатью, и дѣло на томъ порѣшено и покончено; чего и вамъ, также желаемъ. А засимъ, пожелавъ вамъ съ моимъ удовольствiемъ всѣхъ благъ, позвольте узнать любознательно, насчетъ холеры, есть ли она у васъ? У насъ на прошлой недѣлѣ отказано, благодаря Господа, и не видать. А сперва была повѣстка, насчетъ приказанiя отъ губернатора всѣмъ жителямъ, дѣлать добровольныя пожертвованiя для устройства холеры. Въ чемъ мы и вамъ также всякаго поспѣшеньица желаемъ, и всѣхъ благъ православныхъ, и по отпускѣ письма сего пребываемъ живы и здоровы, а впредь уповаемъ на милость Господню и на молитвы ваши.

Андрей Овчинниковъ.

Вѣрно: КАЗАКЪ ЛУГАНСКIЙ.

2.
Письмо казака изъ-подъ Шумлы.
1829 года 8 іюля.

И Котельниковъ нашъ, сватушко, передъ Богомъ: помяни его, авось и онъ тебя не забудетъ. Жену добрую, сердечный, покинулъ, и дѣтушекъ, и самъ животъ положилъ за царя. Служилъ онъ - самъ ты знаешь - есаулъ нашъ, вѣрой и правдой, не опозорилъ душу тестя своего, отца нашего роднаго Ивана Иваныча. А Иванъ Иванычъ (Донскаго войска генералъ-майоръ И. И. Жировъ.), братъ, все тотъ же: и умретъ, чай, Господь по душу пошлетъ, тотъ же будетъ. Гдѣ только завидитъ, вскочивъ колѣнками въ сѣдло, что пожмутъ нашихъ, либо казака гдѣ на фланкировкѣ, въ одиночкѣ одолѣваютъ: то не своимъ голосомъ, ревма зареветъ, копье у казака, у ординарца, выхватитъ, летитъ старикъ на подмогу самъ. Не ему бы, кажись, этакъ метаться, не головѣ глину мѣсить, а ногамъ - да что же ты съ нимъ дѣлать станешь? И кто бы выдалъ его, кто бы напередъ себя

пустилъ? да конь подъ нимъ не нашему чета: уйдетъ отъ тебя что отъ стоячаго.

Стояли мы, сватушко, подъ Шумлою, и вся главна квартира тутъ, и самъ главнокомандующій. Мѣсто ровное, чистое, а крѣпость въ горахъ высокихъ, въ лощинѣ, и справа и слѣва все батареи. Мы стояли на лѣвомъ флангѣ. Турки и стали супротивъ насъ высылать по ночамъ фуражировъ своихъ въ горы; а мы, что день, бывало гоняемся за ними, отбиваемъ фуражъ; тутъ, глядишь, дѣло завяжется, каша заварится, подъ пушки подведутъ, да изъ-за клочка сѣна и перепятнаютъ десятокъ другой казаковъ, а другаго сдѣлаютъ и пѣшимъ, подобьютъ коня: а ужь безъ коня какой казакъ? За это и было приказано отъ большаго начальства не задирать ихъ собакъ въ одиночку, а стеречь только, да коли вылезетъ ихъ изъ крѣпости много, переколоть всѣхъ въ одинъ починъ. Такъ они дня съ четыре и лакомились безъ помѣхи свѣженькимъ сѣнцомъ, увозили вьюковъ десятка по три, по четыре, и больше. Тутъ на грѣхъ самъ

главнокомандующій и выдь - никакъ 7 числа іюня - ранымъ-рано на зарѣ изъ ставки, да и приложись въ подзорную трубу, и увидалъ, что крадутся они тропою подъ крутымъ обрывомъ, гуськомъ, уже на обратномъ пути въ крѣпость: и осердись на казаковъ за это, говоритъ «проспали, не видали». А нашъ братъ что виноватъ, аль хоть начальство наше? что приказано, то и дѣлаетъ; только что заступиться было не кому о ту пору за насъ: не проспали мы, сватъ, а видали ихъ и считали, не то что на зарѣ, а въ темную, глухую ночь: кабы кто спросилъ у насъ, такъ бы сказали мы, что вышло ихъ въ горы 60 человѣкъ. Туть какъ быть? дѣлать нечего, съ начальствомъ разсуждать не станешь, - со своими еще такъ, туда-сюда, а съ большимъ, съ Московскимъ, нельзя. Наши на конь, пустились поперегъ отхватить ихъ отъ крѣпости, да уже не подъ силу: ушли подъ самыя пушки, отрѣзали никакъ только человѣкъ десятка три не съ большимъ. Ну, этихъ, лиха бѣда починъ, всѣхъ, которыхъ положили, которыхъ живьемъ забрали, и

самого кафеджи-баши, кофейничаго визирскаго, поймали; а онъ, сказывали другіе, выскочилъ изъ крѣпости охотникомъ, трехъ пашей Русскіхъ обѣщался привести, и богато одѣтъ былъ: въ коришневомъ золотошвейномъ платьѣ. Тутъ вылазку пустили Турки, да изъ орудій пальбу; тутъ наши резервы разсыпались, и до улановъ дошла-было очередь; кончилось все такъ-сякъ, хватились - есаула нашего нѣтъ! Казакъ, вишь, увязался за однимъ собакой, вплоть напираетъ, да худоконный былъ: не нагонетъ, а ужь близко къ стѣнамъ подскакиваютъ. Котельниковъ завидѣлъ погоню; лошадь была подъ нимъ гожая - пустилъ во всѣ повода, да поравнявшись съ казакомъ и кричитъ: «подай, подай копье мнѣ, я его ссажу!» Казакъ копье подалъ, есаулъ тутъ же налетѣлъ на Турка, - а этотъ ужь и вьюки давно скинулъ, и курджуны побросалъ, - налетѣлъ съ тылу и скололъ его подъ лѣвую лопатку; тотъ и грянулся снопомъ объ-земь, и кричитъ: «аманъ! невѣрная сила!» «Аманъ» кричитъ, а самъ волчью

думу гадаетъ. Котельниковъ, сердечный, повѣрилъ ему псу, не сталъ докалывать, а онъ, выхвативъ пистоль изъ-за пояса, оборотился назадъ, рукою взялся за копье казачье, да и пустилъ зарядъ по немъ вверхъ. Казаки набѣгли, скололи его, нечистую силу, да того ужь не воротили! Взяли его, раба Божьяго, слугу государева, принесли на плащѣ въ главную квартиру, въ ошпиталь; лекарь поглядѣлъ только, и отошелъ: «пуля въ правый пахъ навылетъ вышла; кишки» говоритъ «всѣ перебиты; будетъ нынѣ къ ночи передъ Богомъ: велите яму копать».

Тѣмъ часомъ прискакалъ и сотникъ Бѣлоусовичь; ему изъ пистолета лѣвую ладонь прострѣли, а онъ полосою супротивнику своему снесъ темя; перевязавшись шелъ-было онъ уже въ лагерь, да заглянулъ подъ наметъ, гдѣ сидѣли раненые Турки: одинъ и давай шишикать на него: «ишть, ишть»! (Такъ Турки подзываютъ, если хотятъ говорить съ кѣмъ. Ишть - послушай, слышишь.) Бѣлоусовичь оглянулся и узналъ его -

самый онъ и есть. Они поздоровались по-пріятельски: лежачаго не бьютъ; да сотникъ вынулъ изъ кармана да подалъ ему двугривенный: это я видѣлъ самъ.

Покойный атаманъ послалъ ординарца къ лекарю, чтобъ пожаловалъ. Лекарь вошелъ въ ставку атаманскую: коверъ посланъ Персидскій, да сѣдло въ головахъ лежитъ, да серебряный кувшинъ стоитъ на землѣ - только и утвари. «Что, братъ» спросилъ атаманъ: «говори скорѣе, небольно раненъ Котельниковъ?»

Лекарь вздохнулъ и сказалъ, что Котельниковъ впредь царю не слуга и воды изъ родимаго Дону не выпьетъ.

«Бойся Бога» отвѣчалъ атаманъ: «у него жена дома, да полна хата дѣтей!»

- Какъ быть, ваше превосходительство, отвѣчалъ лекарь.

«Я отвѣта твоего не слыхалъ» сказалъ атаманъ лекарю: «слышишь? не слыхалъ, и слышать не хочу. Поди, Богъ милостивъ, поставь намъ на ноги Котельникова, онъ храбрый офицеръ! Нужно тебѣ денегъ? возьми, на!»

Лекарь отступилъ шага два назадъ, опустилъ глаза и отвѣчалъ вполголоса: Котельниковъ зари не увидитъ, нынѣ чудесъ не бываетъ. Прикажите читать за упокой души.

Тутъ прискакалъ и Иванъ Иванычь: послѣднiй покинулъ поле, и убитыхъ и раненыхъ всѣхъ осмотрѣлъ; - тотъ, какъ глянулъ на зятя да на лекаря, то и допытываться не сталъ: знать сердце почуяло. Онъ сѣлъ подлѣ него на землю да послалъ за дядей его, за урядникомъ Ѳирсовымъ, что, знаешь, годовъ съ восемь у Персiиянъ въ плѣну жилъ. И тотъ пришелъ, присѣлъ о другой бокъ племянника, и сталъ-было плакать. Иванъ Иванычь подалъ ему правую руку черезъ убитаго, а лѣвою строго на него погрозился, поцѣловалъ зятя въ чело, привсталъ, и отозвалъ за собою Ѳирсова: «Мнѣ некогда» говорилъ онъ: «а ты побудь здѣсь и наложи персты на вѣки его, когда часъ придетъ; а я пришлю тебѣ псалтырь: начнешь читать, такъ пришлешь сказать мнѣ. А хныкать не

моги, слышишь? плакать будетъ дочь моя да внучата.»

Такъ все и было, какъ сказалъ Иванъ Иванычь; а на утро есаула схоронили. Плакали, братъ, и казаки; не одна хозяйка съ ребятишками поплачетъ.

Затѣмъ прощай. Слышно, пойдемъ за Балканы; тамъ, надо-быть, дѣло порѣшится скорѣе, чѣмъ этой докучливой стоянкою, и, съ кѣмъ Господь велитъ, свидимся: либо съ тобой, сватушко, да съ родимыми, либо съ есауломъ, вѣчная ему память; и онъ, чай, сотню свою поджидаетъ.

Посылаютъ поклонъ свой Катасановцы да Баклановцы: тутъ они съ нами одну пирушку пируютъ, однимъ животомъ живутъ.